

УДК 821. 161. 1 – Поплавский
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Л.В. Драгалева

**ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ
КАК СПОСОБ
КОНСТРУИРОВАНИЯ
КОНТРАСТА В РАМКАХ
МОДЕЛИ ТЕКСТУАЛЬНОГО
МИРА Б. ПОПЛАВСКОГО**

Предлагается интегрированный подход к отрицанию, который основывается на теоретической модели текстового мира, предложенной П. Вертом. В исследовательском плане данная модель была нами расширена и адаптирована для выявления дискурсивных функций отрицательного высказывания. Цель данной статьи – показать, как частотность функционирования отрицательных высказываний предопределяет порождение идиостилистической модели художественного дискурса Б. Поплавского и читательские экспликации из авторского дискурса, необходимые для его понимания.

Ключевые слова: *Поплавский, отрицание, модель текстуального мира, контраст.*

Драгалева Людмила Викторовна – аспирант кафедры русского языка и теории языка Педагогического института Южного федерального университета; ассистент кафедры социально-гуманитарных дисциплин (Донской государственной технической университет)
Тел.: +7-928-139-18-84
E-mail: Luda_2009@inbox.ru

В художественных текстах Бориса Поплавского (1903 – 1935) отрицание выступает как частотная фигура выдвижения. В связи с этим рассмотрение данного вопроса проливает свет на авторскую трактовку кардинальных проблем текста. Мы полагаем, что отрицательное высказывание является своего рода феноменом художественного дискурса автора, поскольку оно определяет текстовое развитие точки зрения повествователя на объективную действительность. Выдвижение «бездействия» и противоречий посредством частотного использования средств отрицания, вне всяких сомнений, предстает яркой чертой обоих романов Б. Поплавского («Аполлон Безобразов» и «Домой с небес»).

Автор репрезентирует, как «бездействие» и «отсутствие» могут выступать оправдательными принципами поведения персонажей романа. С другой стороны, отрицательные высказывания конструируют эффект «незнакомого» как «привычного», что отражает определенную реалию эмигрантской жизни. Это своеобразная когнитивная иллюзия персонажей Б. Поплавского, для которых характерно приобретение такого жизненного опыта, в котором «странные», «незнакомые» ситуации проживаются как исключительно «знакомые», «некогда уже пережитые».

В теории П. Верта дискурс определяется как коммуникативное событие, которое в лингвистическом плане может быть репрезентировано как сложная иерархическая структура, состоящая из различных слоев. Структура «цепляется»

за понятие «мира», определяемое как концептуальный домен, репрезентирующий положение дел [Werth, p. 78]. Дискурсивный мир представляет собой самый широкий уровень, который состоит из ситуационного контекста, непосредственно окружающего речевое событие [Ibid., p. 83]. В рамках текстуального мира выявляются различные уровни, слои, соответствующие подмирам (subworlds), главная функция которых – изменять параметры, вводимые в текстуальный мир.

Отрицание классифицируется нами именно как подобный подмир. Выступая таковым в рамках когнитивной организации дискурса, оно проектирует нефактуальный домен, моделируемый отрицательным словом, которое контрастирует с положением дел, описанным в текстуальном мире. С точки зрения своей функции, как дискурсивный элемент, отрицание вносит определенный вклад в изменение текущих событий в тексте, определяя направление событийного развития художественного дискурса.

Подмир отрицания, который инициируется противоречием, порождает «короткое замыкание» в процессе художественной коммуникации. В связи с этим на семантическом уровне понимания пропозиция лишена смысла. В данном случае не наблюдается перенаправления или переориентации предшествующего хода дискурса, поскольку противоречие предстает самодостаточной единицей художественного текста. Однако на более высоком уровне переработки текстовой информации противоречие может расцениваться как авторское средство импликации косвенно выраженного смысла.

В рамках настоящей публикации на примере идиостиля Б. Поплавского подробнее остановимся на подмире отрицания, который модифицирует пропозиции, обеспечивающие реализацию функции высказывания. Опровержение пропозиций, обеспечивающих реализацию функции высказывания, иллюстрирует прагматическую природу отрицания как нарушения принципа соблюдения читательских ожиданий. События и состояния персонажей, вводимые в художественный дискурс, не оправдывают читательские ожидания. В тексте конструируется контраст между тем, что сообщается автором, и тем, что ожидал читатель, совершив интерпретацию предшествующего хода художественного дискурса.

Следующий пример предстает типичным для прозы Б. Поплавского случаев отрицания информации, которая была косвенно представлена в предшествующем ходе художественного дискурса. Данное отрицание не оправдывает читательские ожидания: (1) *«Что делал Аполлон Безобразов во время бала? Он ничего не делал. Он пил? Нет, он ничего не пил. Он разговаривал? Нет, Аполлон Безобразов не любил разговаривать. Но все же был на балу? Этого в точности нельзя было сказать, ибо в то время, как бал, кружа и качая, объемлел нас, Аполлон Безобразов объемлел бал. Бал был в поле его зрения. Он входил в него и забывал его по желанию. Иногда в самый разгар его ему казалось, что снег идет над синим пустым полем. Иногда он вообще переставал видеть, тогда звуковые явления за-*

нимали его. Он позволял всему вращаться вокруг него, но сам не вступал во вращение. Он всем поддакивал, говорил сразу со многими и, не слушая никого, спокойно спал на словесных волнах... Все одновременно было вполне объяснимо, непостигаемо и не нуждалось в объяснении... И снова Аполлон Безобразов просыпался к смеху. Однако, лишенный грусти, как мог он смеяться – *ignorabitus*... Он не был и не не был – являлся, казался, был предполагаем. И все-таки он был за, в и потому.» (Аполлон Безобразов).

Тот факт, что моделируемая автором ситуация является неожиданной, манифестируется в тексте имплицитным способом: *...он не был и не не был – являлся, казался, был предполагаем*. Эффект обманутого читательского ожидания кодируется в негативных высказываниях, которые отрицают признание типичных событий из жизни персонажа (*ничего не делал, не пил, не любил разговаривать*) и в указании на беспристрастность эмоций, испытываемых персонажем по этому поводу (*спокойно спал на словесных волнах*).

Автор предлагает объяснение подобной позиции персонажа на балу (*Бал был в его поле зрения*), но впоследствии данное объяснение оказывается ложным, опровергается (*иногда он вообще переставал видеть...*). Данное негативное высказывание контрастирует с информацией, представленной утвердительными высказываниями (*И снова Аполлон Безобразов просыпался к смеху...*). Приведенный отрывок иллюстрирует, как категория отрицания модифицирует и «перенаправляет» ход текущего дискурса.

Контраст конструируется между голосом персонажа и перцептивным восприятием повествователя в одной темпоральной плоскости: то, что «говорит» персонаж, предстает отрицательным ответом на восприятие ситуации повествователем (ср. *он позволял всему вращаться вокруг него, но сам не вступал во вращение, он всем поддакивал, говорил сразу со многими и, не слушая никого, спокойно спал на словесных волнах*). Повествователь стремится «стабилизировать» дискурс, моделируя формальные «условия возможности» для реализации персонажа.

Именно поэтому в речи повествователя актуализируются утвердительные высказывания (*он позволял всему вращаться вокруг него, он всем поддакивал, говорил сразу со многим...*). Персонаж дестабилизирует дискурс, «перенаправляет» его ход в противоположное направление. Голос персонажа «озвучивает» отрицательные высказывания (*он... сам не вступал во вращение, не слушая никого...*), превращается в образ, который начинает выражать собственную несостоятельность, молчание, перцептивно воспринимаемое повествователем. Повествователь видит то, что не может слышать.

Результатом актуализации «голоса» персонажа становится дезинтеграция «чувства реальности» повествователя, также воссоздаваемая посредством контраста (*все одновременно было вполне объяснимо, непостигаемо и не нуждалось в объяснении*). Семантический антагонизм между «голосом» персонажа и перцептивным восприятием повествователя усиливается финальным контрастом отрывка: *он не был и не не был*,

который семантизирует кульминационный момент борьбы между двумя тенденциями развития художественного дискурса – деструктивной и конструктивной. Данная борьба разрешается в пользу повествователя: оппозиция «утверждение – отрицание» нейтрализуется, последующий ход художественного дискурса начинает снова оправдывать читательские ожидания. Повествование входит в привычное русло.

Следующий пример содержит опровержение информации, содержащейся в описательных пропозициях: серия ситуаций, в которых оказываются персонажи, действия персонажей в данных ситуациях описываются как истинные. Эффект обманутого читательского ожидания моделируется автором как неожиданное опровержение данных пропозиций описательного характера, спонтанное утверждение их ложности посредством отрицания. Ср.: (2) *«...Время идет адски медленно, слышится биение сердца... и вдруг, как волшебный фонарь, как огненное наводнение, – картины, ассоциации, воспоминания, внутренний голос опять зарокотал, и Олег в мгновение побывал уже на Монпарнасе, в Дании и в астральном мире, но вдруг очнулся и, с мукой досады вцепившись в последний вагон огненного поезда, старается, разворачивая виденье в обратном порядке, вернуться в исходное ничто – явственное чувство усилия, какое-то отделение от самого себя, и вот круг завершен... Олег, преображенный усилием, иконописно повзрослевший, просыпается к сознательной Темной Ночи... Кто я? Не кто, а что. Где мои границы? Их нет, ты же знаешь; в глубоком одиночестве, по ту сторону заемных личин человек остается вовсе не с самим собою, а ни с чем, даже и не со всеми. Океан нулей, и на нем – комичный, как голос радио на ледяной горе, говорящий попугай небытия... Сколько времени, который час... Никакой. Никогда... И вот теперь это Ничто-Никогда-Никто ныло, выло, стонало...»* (Домой с небес).

Отрицательные высказывания в рамках приведенного примера служат эксплицитным средством конструирования обманутого читательского ожидания, проистекающего из опровержения пропозиций описательного характера. Факты реальной жизни персонажа, упомянутые в предшествующем ходе художественного дискурса как действительно имевшие место, оцениваются уже как ложные. В результате персонаж испытывает затруднения в самоидентификации своей личности в объективном мире. Отрицательные высказывания служат речевым средством самоидентификации персонажа.

Импlications опровержения истинности пропозиций, однако, превосходят рамки чисто семантического рассмотрения проблемы. Как и во многих других эпизодах художественного дискурса Б. Поплавского, в данном случае обнаруживается конфликт между тем, что является фактом из жизни персонажа, и тем, что является реальным и иллюзорным. В анализируемом примере персонаж стремится обозначить проекцию стереотипизированного образа себя, хотя объективная реальность эмигрантского быта оказывается совсем иной. Прагматическая роль отрицательных высказываний предстает ключевой в выражении конфлик-

та между воображаемым миром персонажа, его взглядами на реальность и действительным положением вещей.

Процесс самоидентификации персонажа может приводить к тому, что утрачивается контакт с собственным «Я», которое расщепляется на две части. В результате у персонажа обнаруживается только абстрактное знание о целостности своего «Я». В парадигматике текстового пространства происходит нейтрализация оппозиции фрагментов расколотого «Я» персонажа за счет того, что один из этих фрагментов конструируется посредством высказываний с явно и косвенно выраженным отрицанием, другой – утвердительными высказываниями, что предстает речевым средством отражения в характере персонажа прагматики раздвоенности, приобщения как к смысловой, так и экспрессивной нестабильности. Ср.: (З) *Несколько их было, этих душ, и Олег... вспоминает... Вот она стоит неподвижно на углу, без друзей, без единого знакомого, без приличного платья... Душа, которой некуда, совершенно некуда деться... Вторая душа, которую вспомнил Олег, любила рано, часто до рассвета, подняться с кровати... она любила в чистом и пустом рассветном городе слушать соловьев... Я... Я... воистину не живу, а живут во мне души... (Домой с небес).*

То, что принимается персонажем за разные ипостаси своего внутреннего мира, пронизывается тканью противопоставления. Стиль, в котором ведется подобное повествование, отражает образ раздвоенного сознания персонажа. Соединение «потоков сознания» «осколков» Я персонажа в единое целое раскрывает метафизическую сущность субъективного видения себя. Одновременно моделируется многомерный характер повествования о себе, претендующий на объективность.

Идентичное «Я» персонажа становится антитезой самому себе, превращается в деконструкцию как альтернативную форму существования в ином пространственном измерении. Читатель осознает, что повествование ведется одним из «осколков» раздвоенного сознания персонажа. Контраст двух образов «Я» персонажа, конструируемый противопоставлением отрицательных и утвердительных конструкций, вносит в повествование особую экспрессию, расширяет представление читателя о ментальной реальности представителя эмигрантской среды, расставляющего в терминах метафизики «раздвоенности».

А.В. Дмитрова отмечает, что Б. Поплавскому «...удается создать... два параллельных мира: мир реальный (где действуют и оживают объекты действительности) – отпугивающий и шокирующий, и мир надреальный (внутренний мир героев) – вызывающий, скорее, жалость» [Дмитрова, с. 49]. Очевидно, что конструкции с негацией являются действенным средством конструирования контраста между этими двумя мирами, отрицания миром персонажа реального мира. Мир виртуальный разрушает прежние верования и мирозерцание персонажей, их прежнюю гармонию с объективной реальностью, порождая диссонанс внутри себя, отрицая не только реальный мир, но и «собственные границы».

Текущее понимание персонажем себя ассоциируется в его когнитивном сознании только с прошлым: если реальное «Я» в дейктическом отношении связано с текущим моментом, отрицающим это «Я»,

то виртуальное «Я» – с прошлым. Персонаж заявляет о них как о уже сформировавшихся сферах своего когнитивного сознания. В то же самое время в тексте выявляется контрастирующие точки зрения персонажа относительно своего реального и виртуального «Я»: оценка данных сфер реализуется разными языковыми средствами (утвердительными и отрицательными конструкциями). Читатель осознает, что реальное «Я» повествователя сформировано на основе его «расколотого» виртуального «Я», элементы которого независимы друг от друга, контрастны по своей бытийной сущности.

Исследователи творчества Б. Поплавского отмечают, что шоковый стык физического и метафизического порождает в художественных текстах автора абсолютную дисгармонию [Барковская, с. 105]. Данный стык моделируется автором прежде всего посредством отрицательных конструкций: метафизическое отрицает физическое, сводит его к нулю. Ср.: (4) «Олег... смеялся, писал поперек страниц: “Живу, живу, живу... Наконец живу...” И вот сегодня от непобедимого, кокетливого, вечно расшвыриваемого здоровья Олега не осталось ничего...» (Домой с небес). Высказывание с негацией – *не осталось ничего...* – отрицает признание физического мира персонажа, поднимает вопрос о потенциальной возможности возрождения физического мира персонажа. Можно сказать, что отрицание модифицирует признание моделируемой ситуации с точки зрения настоящего, ситуации, которая до этого воспринималась как должная.

Понимание того, что метафизический мир стал преобладать над физическим, оказывается для персонажа болезненным, поскольку оно ослабляет способность различать реальное, существующее и иллюзорное. Образ персонажа, испытывающего травму от данного понимания, становится сквозным для художественного дискурса Б. Поплавского.

С учетом проведенного анализа можно констатировать, что в художественном дискурсе Б. Поплавского обнаруживается стабильный конфликт между положениями дел не реального, а виртуального мира персонажей. Другими словами, высказывания с негацией отрицают возможность учета информации, которая до этого была принята к сведению читателями для адекватной интерпретации художественного текста. В некоторых случаях, как показал наш анализ, данная информация ложно была представлена как существенная. В связи с этим в когнитивном сознании читателей возникает конфликт между тем, что воспринимается истинным, и тем, что фактически происходит в художественной реальности.

Литература

Барковская Н. Стилевой импульс «бестактности» в творчестве Б. Поплавского // XX век. Литература. Стиль: стилиевые закономерности русской литературы XX века (1900 – 1950). Екатеринбург, 1998. Вып. 3.

Дмитрова А.В. Черты поэтики сюрреализма в романе Бориса Поплавского «Аполлон Безобразов» // Изв. Южного федерального университета. Филол. науки. 2011. № 1.

Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. L., 1999.